

Лев Власенко (www.refantasy.com), 2021

Рассказ написан на конкурс «Изумрудный дракон 2004»

Поклявшийся уцелеть

Si fueris Romae, Romano vivito more,

Si fueris alibi, vivito sicut ibi

Живя в Риме, поступай как римлянин,

Оказавшись в другом месте — веди себя как все

— Средневековая поговорка

Мельин: Дикие Леса

Легионер вздрогнул, когда ему на шею легла веревка.

— Я... посланник мира, верный слуга Императора, — дрожащим голосом пролепетал он, из последних сил стараясь не терять самообладания.

В роще протяжную трель выводил соловей. Равнодушный к его словам, палач наматывал второй конец веревки на ветвь дерева. Человек заболтал ногами, когда веревка натянулась, приподнимая его за шею.

— Война закончилась! — прохрипел верноподданный Империи, дико вращая широко раскрытыми глазами. — Прошу вас...

Предводитель отряда жестом приказал своим подручным остановиться. Он был одет в темно-зеленый плащ, под которым носил боевую *daemtuiri* и доспех из зачарованных деревянных пластин. Палач отпустил веревку, уселся на дереве поудобнее и скучающе свесил ноги, прислушиваясь к пению соловья.

Легионер облегченно вздохнул, вновь ощутив под ногами твердую землю. Лидер молодых эльфов приблизился, легко ступая по прошлогодней листве, остановился перед человеком, мягким, кошачьим движением сбросил капюшон и невесело улыбнулся.

— Довольно странно слышать такие слова от человека, — мелодичным голосом, с легким акцентом сказал он на языке людей Мельина.

— Император отдал вам ваш проклятый лес, — все еще дрожа, просипел легионер, — война закончилась — возвращайтесь в свое логово! Довольно крови! Так сказал Император...

— Я не о войне. Слова вашего Императора мне известны. И неинтересны. Мне странно слышать от человека мольбы о пощаде. Ты просишь пощадить тебя, хуманс? Просишь меня, проклятого Спасителем, богомерзкого Дану?

Легионер затрясся еще сильнее, какое-то мгновение гордость и ненависть боролись в нем со страхом смерти. Наконец он проговорил, едва шевеля побелевшими губами:

— Пощадите... прошу вас, война закончилась...

«А ведь не будь он привязан, упал бы на колени, ползал бы в грязи — все, — подумал предводитель Дану. — Как высоко они ставят собственную жизнь, и как низко ценят жизни чужие! Нам никогда не понять их».

— А они не просили вас об этом?

— К-кто? — запинаясь, спросил легионер.

— Женщины, дети, старики. Разве они не просили пощады, когда вы убивали их?

— О ком вы говорите?! Я не понимаю!

Дану махнул подчиненному — веревка, затянувшись, врезалась в горло легионера, судорожно дыша, пленник задергал ногами, пытаясь встать на цыпочки.

— Они это называют «ворочается, как Дану на колу», — сказал

сидящий на дереве палач. Сказал намеренно на языке Империи, чтобы понял пленник. К соловью он больше не прислушивался.

— Отпустите... прошу... у меня жена, дети...

— Мы снова заговорили о детях. Ты хочешь поговорить со мной о детях, хуманс? Так говори! Но говори о тех детях, которых вы насаживали на копьё, чьи тела вы втоптывали в грязь. Говори со мной о детях Дану!

— Проклятие... Спасителя! На вас!

— Спасителя? — усмехнулся в ответ Дану. — Пусть так. Меня не пугают твои жалкие боги, хуманс. У тебя есть еще какие-нибудь последние слова?

— Вы не лучше нас!

— С волками жить... — пожал плечами Дану, подавая знак палачу, тот встал на ветке и сильнее натянул веревку, наблюдая, как хуманс болтается, вцепившись руками в покрасневшее горло.

В роще зашелся пронзительной трелью соловей. Хрип прекратился, легионер в последний раз вздрогнул и обвис безжизненным грузом.

— Пляши, пляши! — смеялся палач, поигрывая веревкой.

— Довольно, — приказал предводитель, отвернувшись, чтобы не видеть мертвого лица. — Снимите его.

— В чем дело, Амарис? Забава только начинается.

— Сними его, Севинэ!

— Да что с тобой?

Князь Дану развернулся, выбросив вперед руку: молния сорвалась с его пальцев, обрубив веревку, на которой покачивался легионер. Севинэ заслонил лицо руками, едва не свалившись со своего насеста.

— Не будь как он, — сказал Амарис и указал на тело хуманса.

Он повернулся лицом к лесу. К своим людям: друзьям, братьям, тем, кто прошел с ним все, что только могли придумать проповедники Спасителя, рассказывая о муках Ада. Молодые эльфы застыли у края черной чащи, держа ладони на эфесах мечей, словно призраки у входа в подземный мир.

Они были истощены долгой войной и ненавистью, лишь вечной верой в него, предводителя, светились их усталые глаза.

«Двенадцать. Как мало нас осталось... и до конца дня останется еще меньше».

— Вы слышали его слова, — Амарис не обернулся, нестерпимо было смотреть на мертвого легионера. — Мы окружены. Их Император предлагает нам жизнь, он предлагает вашу жизнь, в обмен на мою.

— Наши жизни и без того твои.

— Тогда оплакивайте меня как мертвого, братья, потому что я не дам вам умереть из-за меня.

— Не из-за тебя, Амарис, — Элие подошла и положила руку ему на плечо. — Позволь нам умереть за себя. За нас.

— Братья... сестры... — Амарис обнял ее, чувствуя, как наворачиваются на глаза слезы. — Не дайте мне погибнуть просто так!

Другие Дану подошли к ним, каждый стремился притронуться к Амарису, коснуться его, сделав их объятье общим. Последний князь плакал, не стыдясь своих слез. Ему показалось, что миновала вечность, перед тем как он решился отстранить Элие от себя, коснуться ее волос, поцеловать их, возможно, в последний раз.

«Для меня. Путь будет в последний раз для меня, а не для нее!»

— Мы должны уцелеть! — воскликнул Севинэ. Он легко спрыгнул на землю, не обращая внимания на мертвого легионера. — Хумансы не должны победить!

— Верно, — кивнул Амарис. — Разделимся, враги не ожидают этого. — Нет! — крикнула Элие, цепляясь за его плащ. — Прошу тебя, Амарис. Только вместе — даже если смерть.

— Не в этот раз, — он нежно убрал ее руку, взял девушку за плечи и заглянул в ее глубокие зеленые глаза. — Поклянись мне, Элие. Что не умрешь, что уцелеешь, прошу тебя, поклянись!

Элие подалась вперед, коснулась щекой его лица, щекоча кожу черным шелком волос, и прошептала на ухо:

— Клянусь.

Он отпустил ее и пошел прочь.

— А ты?! Клянешься ли ты уцелеть?

Кривая, ироничная улыбка тронула его губы. Амарис давно уже разучился улыбаться по-другому.

— Я поклялся в этом уже давно! — крикнул он, подняв руку в прощальном салюте, и добавил. — Мы встретимся снова, братья и сестры. Так или иначе, но мы снова будем вместе.

Никто не проронил больше ни слова, они лишь подняли руки, безмолвно прощаясь с ним.

«Не прощаясь, — поправил он себя, — А просто говоря “до свидания”. Что бы ни случилось...»

Он быстро зашагал через лес, не обращая больше внимания на плывущие по далекому голубому небу облака и пение соловья. Рука сама собой легла на эфес меча.

«Ну что, хумансы? Меч или магия? Нет, пусть будет только честная сталь. Вы лишились своей Радуги — не сияет она больше над Мельином, все честно: сталь на сталь, клинок против клинка — как на Берегу Черепов!»

Шаг. Меч зашуршал, покидая ножны. Шаг. Листва и ветви подались перед ним, тонкими линиями пропускавая солнечный свет. Шаг. Он увидел своих врагов: пока их было четверо, но хумансы, словно дикие звери, предпочитают охотиться большой стаей... Легионеры метнулись к нему, выкрикивая что-то своими резкими, неприятными голосами. Амарис не ответил — обнаженный меч в руках последнего князя-колдуна Дану ясно сказал хумансам, какой ответ ждет их Императора.

Зазвенели сталкивающиеся клинки, Амарис завертелся, словно листок на ветру, отражая и нанося удары. Скользили по лицу тени деревьев, сверкал меч, и алым отблеском мерцало боевое платье. Это был его Берег Черепов:

врагов было больше, но они были слабее и хуже вооружены. Князь Дану сражался с такой яростью и силой, как будто каждый удар он отражает и наносит не здесь, в сумрачном, забытом лесу, а на том самом памятном берегу, который Амарис никогда не защищал. Как будто его победа или смерть могут изменить прошлое. Он сражался не за себя, нет, Амарис шел рука об руку со смертью уже давно, и не боялся ее. Он сражался за всех Дану прошлого, polegших на кровавом песке.

Последний хуманс атаковал, стараясь достать его кинжалом. Амарис оттолкнул его и рубанул мечом — тонкий клинок прорубил скулу хуманса и скользнул по шее, окрашиваясь красным. Князь не остановился, не вложил в ножны меч: сейчас не время вытирать кровь, пока сражаются и умирают его братья, а песнь соловья сменилась на звон клинков.

«Ну?! Кто еще?»

Никого.

Амарис побежал.

«Прорвался? Нет. Слишком легко. Не теряй бдительности...».

Следующий удар был бесшумен и стремителен, как укусы змеи. Амарис распластался на земле, едва успев избежать летящего в него огненного шара.

«Радуга мертва? Как бы не так... Глупец!»

Он поднялся на ноги, готовясь встретить новое заклинание, и был изумлен, когда маг выскочил из густых зарослей, замахиваясь коротким гладиусом легионера. Амарис упал на спину, перебрасывая через себя нападающего, извернулся, пытаясь подняться, но хуманс вцепился в него железной хваткой и потянул на себя. Дану ударил его ногой по голове, высвободился и отполз назад, нашаривая рукой выпавший меч. Хуманс встал на четвереньки, сплевывая кровь, вытянул руку и заорал. Трава и сухая листва под Амарисом начали тлеть, темно-зеленый плащ лизнули языки колдовского пламени. Дану вскочил и с размаху ударил врага ногой в шею. Маг-легионер упал лицом на землю, не пытаясь подняться.

«Ты трижды глупец, Амарис! Радуга потеряла свою власть, и теперь каждый встреченный хуманс может оказаться магом. Теперь даже неважно, какого цвета плащ он носит...»

Никто больше не пытался остановить его. Амарис отряхнул опаленный плащ, вытер с клинка кровь и вбросил его в ножны. Снова запел соловей, вторя звенящим в глубине леса клинкам.

«Сражайтесь, братья, не дайте мне погибнуть напрасно!»

Он бросил последний взгляд на тела врагов, и, более не оглядываясь, двинулся вперед.

Мельин: Бросовые Земли

Весну в Бросовых Землях нельзя назвать живописной порой: унылые бурые холмы до самого горизонта, покрытые редкой травой, колючим кустом, да изредка отбрасывает длинную тень одинокое дерево...

Возле берега широкого небесно-голубого озера все было не так. Цветы окружали его пышным желто-синим ковром, подступая к самой воде, и было непонятно, где заканчивались волнующиеся на легком ветру голубые колокольчики, а где начиналась гладь чистой, незамутненной озерной воды.

Лишь один небольшой холмик выделялся в этом желто-синем море. Нежные, белые цветы покрывали его, и ни один из них не был смят. Амарис опустился перед могилой на колени и сорвал один из белых бутонов, осторожно сжав его в ладони.

— Зачем мы живем, *nimoppi*? Зачем сражаемся и умираем? Еще когда ты была жива, я думал, что воюю с хумансами за нашу землю, за тебя, за отца, за наш народ. Теперь же... мой собственный народ проклинает меня.

Он помолчал, как будто ожидая ответа, вслушиваясь в шелест цветов на ветру, и только он знал, принес ли что-нибудь с собой этот ветер.

— Я был в нашем лесу. В *Dadrrount'got*. Они не приняли меня. Я не стремился к этому, клянусь... но как же это горько, когда тебя гонит прочь

собственный народ. Когда клянут предателем, убийцей и обвиняют в том, что из-за меня хумансы продолжают нас ненавидеть. Ко мне подошла женщина. Схватила за руку и, мне показалось, хотела убить едва ли не сильнее, чем я желаю смерти каждому хумансу, ступившему на Берег Черепов. Она сказала: «Моего сына убили из-за того, что Амарис, сын Седрика, сжег Лонард».

— Когда мы начали винить друг друга в грехах наших врагов?! — он скомкал цветок и отбросил его. — Когда мы стали воевать ради одной мести, и стоит ли такая война наших жизней?

Амарис поднялся с колен.

— Как просто говорить, что лучше умереть стоя, чем жить на коленях... — его лицо исказила гримаса ярости. — В мире с хумансами! Быть их рабами, слугами, и спокойно наблюдать, как последний росток нашей расы погибает, раздавленный тысячами расплодившихся двуногих свиней... Ответь мне, німо. А если не сможешь, то прости. И жди. И передай отцу, чтобы ждал.

— Что если бы в твоих силах было все изменить?

Амарис развернулся, обнажая меч. Солнце сверкнуло, отраженное тонким клинком. Подкравшийся к нему незнакомец был до пояса укутан в черный плащ, он был невысокого роста, слишком коренастым и широкоплечим для Дану, но совершенно точно не был и хумансом: его голову венчали закрученные спиралью рога, а ноги — выгнутые, как у животного — оканчивались раздвоенными копытами.

— Тебе не нужен меч против меня, Амарис, сын Седрика.

— По-моему, как раз наоборот...

Существо улыбнулось сухо и безрадостно. Просто растянуло губы, потому что на его неживом, глиняного цвета звериной морде не отражалось никаких эмоций. Амарис приблизился к пришельцу, наставив на него меч. Козлоногий не пошевелился.

— Я пришел говорить с тобой, последний князь Дану.

— Я знаю, кто ты, — сказал в ответ Амарис. — Вы оставили след в памяти моего народа, Atann-eeuy-Akhimm ясно говорит о вас: твари, бездумные, беспощадные, бессмысленные. Твои козлиные ноги и рога трудно спутать с чем-либо другим, kharroc.

— Ты можешь убить меня, но ничего этим не добьешься.

— Но ничего и не потеряю... — возразил Амарис.

— Убей меня или оставь в живых, — Козлоногий равнодушно наблюдал за ним, — мы лишь камни Пути, и все мы, так или иначе, прокладываем этот Путь. Выбирать тебе, князь Дану.

Дану опустил меч.

— Говори, что тебе надо, тварь, и убирайся. Кто бы ты ни был.

— Я всего лишь малая часть Пути, — повторил козлоногий. — Сегодня наши с тобой цели совпадают.

— Мне ничего не нужно от демонов, — отрезал Амарис.

— Даже... победы над хумансами? — заискивающе спросил странный пришелец. Маг нахмурился, увидев в животных, мутных глазах козлоногого страстный, алчный блеск.

«Кто бы ты ни был, но чувствовать ты все же способен...»

— И какова цена?.. Явился за моей душой?

— Твоя душа уже наша, также как и души всех живущих в этом мире. Это вопрос времени, — спокойно, без гордости или самодовольства произнес козлоногий, будто говоря об очевидном. — Я предлагаю тебе победу безвозмездно: взамен того, что все равно произойдет, независимо от твоих желаний.

— И что же должно произойти?

— Я знаю, что не стоит недооценивать тебя, князь Дану. Ты не поверишь, если я скажу, что мы дадим тебе силу уничтожить хумансов по доброй воле. Мне разрешили сообщить тебе о том, какова будет... цена, если тебе угодно так это называть.

— Угодно, — кивнул Амарис. — Говори, что должен.

— После твоей победы над Империей хумансов этот мир станет частью Пути. Все живущие в нем исчезнут, в том понимании, в котором ты их знал.

Амарис рассмеялся.

— Что это за глупое предложение, *kharrroc*? Не лучше ли попросить у меня просто перерезать себе горло?

— И горла всех хумансов заодно? Умереть, но забрать их с собой, как ты только что мечтал, разговаривая с могилой матери.

Дану вздрогнул, недоверчиво наблюдая за своим собеседником:

— Это еще не все, — продолжил козлоногий. — Мы понимаем твои сомнения: никто не предлагает тебе жертвовать собственным народом ради возмездия, хотя именно так поступал твой отец, и его отец до него.

Князь Дану шагнул вперед, поднимая руку, на пальцах открытой ладони заплясали тонкие белые молнии.

— Не тебе судить о делах моих предков, *kharrroc*, — угрожающе прошептал он.

Козлоногий не пошевелился, но в его глазах мелькнула тревога.

— Пусть будет так, — быстро согласился слуга Пути. — Не будем говорить о прошлом, поговорим о будущем. О будущем Дану. Я предлагаю тебе, Амарис, сын Седрика, совершить месть и увести свой народ прочь из этого обреченного стать частью Пути мира.

— Откуда я знаю, что ты говоришь правду? — с сомнением сказал Амарис. — Быть может, я исполню то, чего вы желаете, но вы не останетесь верны своей части договора.

К удивлению Амариса, его слова задели пришельца. В глазах козлоногого полыхнуло пламя гнева и ненависти. Его голос дрожал, когда козлоногий сказал:

— Мы — строители Пути. Мы никогда не нарушаем своего слова, для нас оно дороже всех сокровищ Упорядоченного. Наше слово и честь создателей Пути. Откажись принять нашу помощь, и вскоре этот мир

обратится в часть Пути, вместе со всеми его обитателями, и с Дану в том числе.

— Слова, — упрямо сказал Амарис, — это просто слова. Для того чтобы убедить меня, нужно больше чем просто пустые обещания и угрозы.

Козлоногий вытащил из-под своего широкого черного одеяния белую латную перчатку. Амарис изумленно вздохнул, увидев ее.

— Мы предлагаем ее тебе, последний князь Дану.

— Мне известно, — медленно произнес Амарис, пытаясь сохранить спокойствие, — что такая же перчатка есть у Императора Мельина.

— Эта не хуже, — заверил его козлоногий, протягивая перчатку. — Ты опытный чародей, в отличие от Императора, и сможешь пробудить с помощью этой перчатки мощь, способную уничтожить всех, кто стоит на твоём пути. Даже вооруженного той же мощью Императора.

Амарис отшатнулся от протянутой ему перчатки, как от ядовитой змеи. Его руки предательски дрожали, порываясь против воли схватить адский подарок.

«А может быть... повернуться — и резко в висок!»

— Даже не думай, — спокойно предупредил пришелец, то ли прочитав, то ли просто угадав мысли князя. — Перчатка отразит любое колдовство, а твой меч я сумею остановить. Не стоит добывать с боем то, что предлагают тебе в подарок.

Маг крепко сцепил руки за спиной, борясь со страшным искушением.

— Но шансы все же неравные, — сказал он, не отрывая взора от белой перчатки. — Император тоже обладает этой силой, и его окружают легионы преданных бойцов. В то время как нас... было всего двенадцать. Против сотен тысяч.

— Мы предусмотрели и это, — сказал козлоногий, его рука снова нырнула под плащ, и к перчатке присоединилось простое медное кольцо. — С помощью этого кольца ты сможешь принять облик хуманса и подобраться к Императору — он глуп и не чурается выступать перед народом,

легионерами... Магия кольца неизвестна колдунам Радуги, и они не смогут обнаружить иллюзию. Ничто не помешает тебе скрытно нанести свой удар.

— Если это действительно так просто, — прищурился Амарис, недоверчиво глядя на подарки козлоногого, — то почему ты не сделаешь этого сам?..

— Мы не можем принимать иной облик, помимо облика создателей Пути, — гордо провозгласил пришелец. — Это закон, который мы не можем обойти. К тому же...

Он замолчал, недовольно поджав губы, как будто жалея о сказанном.

— К тому же что?

— Неважно, — быстро сказал козлоногий.

«Он сообщил мне слишком много, — подумал Амарис, — значит, они могут ошибаться, значит, их можно победить...»

— Важно, если вы хотите добиться моей помощи, — отрезал князь Дану.

— Я единственный создатель Пути в этом мире, — после долгой паузы ответил козлоногий. — Путь не может рисковать мной.

— Зачем вам смерть Императора? — спросил Амарис.

— Он не по назначению использует дарованную нами силу.

— Использует против вас, — догадался Дану.

— Да... также и против нас, — с видимым усилием согласился его козлоногий собеседник. — После его смерти мы сможем начать преобразование мира Мельина, а вы сможете покинуть его...

Создатель Пути осекся, увидев, как побледнело лицо Амариса.

— Как ты сказал? Мир Мельина? Так значит, вот как вы называете наш мир... — медленно проговорил князь Дану. — Мельин. Мир хумансов. Как долго мы не могли этого понять...

— Ты сможешь все поставить на свои места, — быстро забормотал козлоногий. — Уничтожить хумансов, очистить от них ваши леса...

— Чтобы они достались вам?

— Чтобы они не достались хумансам.

— Я повторю свой вопрос: почему я должен верить вам?

Созидатель Пути натянул белую перчатку на свою когтистую руку и наставил ее на Амариса. Последний князь Дану сжал ладонь на эфесе меча, прикидывая, сможет ли он отрубить руку твари, перед тем, как мощь перчатки испепелит его.

— Вот поэтому, – сообщил козлоногий, теряя самообладание. — Я мог бы прямо сейчас уничтожить тебя и отдать это великое оружие какому-нибудь дикарю-орку или князю из Семандры. Или служителю безумного культа. Что мешает мне поступить так? И тогда у Дану не будет даже шанса спастись, положившись на наше слово. Что ответишь ты на это, последний князь Дану?

— Скажу, что мне нужно подумать над твоими словами, kharгос.

Морда козлоногой твари разгладилась, и на ней снова застыло безразличное презрение и равнодушие.

— Что ж, думай, князь Дану. Но не слишком долго, мы не будем ждать твоего ответа вечно, — фигура пришельца начала таять, окутанная странной белесой дымкой. — Кто знает, кому достанется эта перчатка? Истинным эльфам, гномам или... другим хумансам?

— Как мне найти тебя? — крикнул Амарис, глядя, как растворяется в воздухе фигура козлоногого.

— Просто позови, — Шепот последних слов пришельца растворился в шелесте цветов на ветру.

Мельин: Аэлла

— Амарис, проснись, уже утро.

Князь Дану приподнялся на ложе.

— В чем дело, Элие?

— Мне приснился чудесный сон...

Амарис зевнул и сел на грубой кровати. Элие стояла у окна, бледные лучи утреннего света нежными мазками вырисовывали ее стройную фигуру в полумраке.

— О чем же он, этот сон?

— Я видела цветущее дерево, шелестящее изумрудными листьями на ветру. Не грязное, мусорное дерево хумансов, а настоящее Lhadann Naastonn.

— Когда мы начали радоваться деревьям в наших снах? — улыбнулся Амарис.

— Мы часто видим во сне то, чего не можем больше увидеть наяву, — Элие присела рядом. — Дубы и хрустальные шпильки Аэллы, поцелуй матери... Я очень боюсь увидеть в своих снах тебя, Амарис.

Он погладил рукой длинные черные волосы, коснулся обнаженного плеча, скользнул рукой по плавному изгибу тела, наслаждаясь идеальной гладкостью кожи... Дану крепче обняла его, Амарис почувствовал прикосновение ее губ.

— Это не сон, — прошептала Элие, прижимаясь к нему.

Враг приближается.

Ровные квадраты манипул чеканят шаг под пение медных сурм, над ними вьются боевые штандарты Империи, украшенные золотыми василисками, орлами и змеями. Их опережают идущие нестройной толпой улюлюкающие велиты; фланги легиона прикрыты кавалерией.

Амарис повернулся к доверенному ему войску. Дану бестолково толпились на вершине холма, не пытаясь соблюдать даже видимость строя: копейщики смешались с лучниками, мечники, вместо того, чтобы прикрывать тылы, жались в арьергарде.

Он тронул лошадь и выехал перед лесным воинством, высоко подняв руку. Солдаты криками приветствовали своего вождя, восторженно потрясая разномастным оружием.

— Воины Дану, — прокричал Амарис, остановившись перед ними, — мой народ!

Его слова вновь заглушил восторженный рев.

— Вы знаете, что поставлено на кон, — продолжил маг, дождавшись, пока утихнет шум. — Не ваша честь, не гордость, не старые обиды мы пришли смывать кровью, как это было на войне с гномами. Сегодня цена вашей храбрости — само наше существование. Я скажу вам правду. Скажу то, что вы боитесь принять. Мы потерпели поражение в этой войне!

Тишина. Лишь издалека слышался гул приближающихся боевых труб.

— Наши армии смяты, наши крепости пали, — уже тише заговорил он, — города наши разорены и сожжены. Мы, Аэллиты, это все, что осталось от армии Дану. Мы — последние защитники нашего народа. И каждая минута, которую мы выстоим здесь, на этом холме, важнее сотен выигранных нами в прошлом сражений. Враг приближается, чтобы убить наших детей и замучить наших жен. Я не прошу вас отдавать свои жизни за меня или за Аэллу, я не прошу вас погибать за чужие обиды, но за само существование нашего народа! За его будущее! За то, чтобы не пресекся наш род, и чтобы дети наших детей увидели восход нового дня! Сражайтесь за себя, братья! Бейтесь за Дану!

Он обнажил меч и подставил сверкающий клинок солнечным лучам. Восторженный рев разнесся над полем, Амарис взмахнул мечом и прокричал:

— Лучники вперед, строим, ну же! Аварі!

Как ни велико было презрение Дану к боевым построениям, в которых зачастую приходилось стоять в одном ряду представителям враждующих родов и кланов, сейчас они не смели ослушаться приказа и выступили единым строем.

Хумансы миновали первые, еще молодые дубы, растущие у подножья холма лесной крепости.

— Приготовиться!

Стрелки подняли к небу луки и натянули тетивы.

— Ute!

Приказ Амариса заглушил свист спускаемых стрел. Черное облако на мгновение закрыло небо и понеслось к наступающим шеренгам хумансов. Дану вновь подняли луки и дали второй залп раньше, чем первые стрелы достигли приближающихся врагов. Идущую впереди нестройную линию велитов скосило, будто траву; насмешки и хохот, которыми те осыпали врага, сменились криками боли. Шеренги наступающих хумансов смешались: раненые пытались отползти назад, вторая линия продолжала натиск, трупы неподвижно лежали на земле, мешая и тем и другим. Новый ливень стрел обрушился на вражеское войско. Стяг с василиском упал под громкие крики ликующих Дану. Хумансы сильно пожалели о выдвинутых вперед велитах: легковооруженные, проворные метатели дротиков, пращники и копейщики отлично показали себя в битвах с гномами, провоцируя медлительных коротышек на ближний бой и тут же быстро отступая, предоставляя легионам втоптать в грязь растянувшийся хирд бородачей. Но против лучников Дану велиты были бесполезны.

Амарис отдал должное командиру вражеского войска, тот вскоре понял свою ошибку и среагировал на происходящее быстро и решительно: триарии перешли на бег, закрывая отступающих велитов и арбалетчиков. Большие прямоугольные щиты принимали на себя стрелы Дану, надежно защищая легионеров. Стрельба навесом не помогала, один за другим, широкие квадраты манипул смыкались в медлительные, непробиваемые «черепахи», и поднятые над головой щиты служили им крепким панцирем.

— Прекратить стрельбу! Не расходовать стрелы! — крикнул Амарис. «Ах, как жаль, что почти все Хозяева Слов полегли в неравных битвах с чародеями проклятой Радуги, как жаль, что под моим началом нет хотя бы пятерых князей-магов!»

Легионы приближались. Медленно, неуклюже, но неотвратимо.

— Кавалерия! За мной!

Больше раздумывать было нельзя, сейчас оставалось только одно: атаковать. Разбить порядки врага неожиданным, безумным натиском и вновь смешать их губительным ливнем стрел. Кавалерия... Здесь Дану уступали своим родичам, истинным эльфам. Любое оружие, кроме верного лука, было непривычно для них, но добрая сотня отчаянных наездников среди защитников Аэллы все же нашлась.

— Всадники, вашу отвагу я ставлю выше многотысячного войска. Впереди смерть, но если сейчас мы отступим, то все равно погибнем, погубив вместе с собой надежду нашего народа. Со мной ли вы, Аэллиты?!

Не дожидаясь ответа, он послал лошадь галопом — навстречу врагу. Он не оглядывался, чтобы посмотреть, с ним ли остальные конники, потому что боялся увидеть себя в одиночестве, несущимся навстречу врагу. Боялся напрасно.

Конница Дану спустилась с холма и ударила по приближающимся легионам, заставляя их останавливаться и ломать «черепахи», перестраиваться в боевые шеренги, чтобы отбросить вражескую конницу, забросав ее пилумами. И тут же вновь запели стрелы Дану.

Амарис ворвался в ряды вражеского войска, окутанный паутиной белых молний, стекающих с его пальцев, сверкающих на лезвии меча. Он вместе с сотней храбрецов под градом стрел, между рядами манипул легионеров, потеряв копье, с мечом в руках, рубя наотмашь, поражая врагов магией, ни на мгновение не останавливаясь.

Враг заметался. Не ожидавшие подобной наглости хумансы растерялись. В мешанину перестраивающихся манипул и атакующих Дану врезалась кавалерия хумансов. Пехота не выдержала, оказавшись среди взбесившихся, топчущих все на своем пути лошадей — легионеры побежали, сначала пытаясь сохранить строй, а после и вовсе превратив перегруппировку в паническое бегство.

Остатки кавалерии Аэллы вступили в неравный бой с конницей Империи. Лучники не переставали опустошать колчаны: важно было убить

как можно больше врагов, задержать хумансов, дать время мирным Дану уйти как можно дальше. Свои жизни молодые эльфы более не ставили ни во что, жертвуя собой с таким пылом и яростью, которая заставила бы смутиться и героев древности.

Однако никакой, даже самый яростный порыв не мог помочь защитникам Аэллы одолеть превосходящие силы врага. Хумансы наступали, и никакие стрелы, никакие жертвы и никакая магия не могли их остановить. Пришедшие на помощь Амарису мечники и остатки кавалерии быстро отступали к оборонительной стене дубов лесной крепости. Вернувшиеся в бой легионеры преследовали бегущих Дану, имперская кавалерия, несущаяся вперед под сигнумом серебряного орла, быстро миновала их, стремясь добраться до лучников.

«Копейщики, — подумал Амарис, провожая неприятельских всадников взглядом, — хоть бы не подвели».

Крепость защищалась. Засевшие на деревьях лучники расстреливали хумансов, в растущем у стен Аэллы подлеске, где смерть разила из ветвей каждого дерева, тяжелые и неудобные skutумы более не спасали легионеров от стрел, и они падали один за другим.

...Зашипел кувшин с зажигательной смесью, брошенный уверенной рукой прямо в гнездо лучников. Поджечь дубы Аэллы не могли в свое время наступающие гномы: никакой пожар не мог воспламенить их, но этот колдовской огонь заставил величественное дерево вспыхнуть сухой щепкой. Вонь паленой плоти ударила в нос Амарису, он закашлялся и отвернулся. И здесь не обошлось без колдовства вездесущей Радуги!

Дану попытались атаковать врагов врукопашную, стараясь не дать врагу применить новое оружие. Слишком поздно! Один за другим, дубы Аэллы окутывали огненные цветки магического пламени. Непробиваемая линия обороны превратилась в пекло: металась лошади, в дыму мелькали силуэты сражающихся, звенели клинки, и крики ликования вторили предсмертным стонам побежденных.

Амарис бился насмерть, не надеясь уцелеть. Лишь бы забрать с собой побольше ненавистных хумансов! Клинок порхал в его руках, неся смерть всяком глупцу, посмевавшему приблизиться к Хозяину Слова Дану. Молодые эльфы медленно отступали к вершине холма, оставляя легионы глотать дым пожаров. Амарис уже начал надеяться, что, вырвавшись из бушующего ада, они, объединившись с оставшимися на холме лучниками, вновь ударят и отбросят врага, каким-то чудесным образом все же выстоят, победят... И в этот момент им в спину ударили вражеские конники.

Глупо было полагать, что никогда не сражавшиеся в строю Дану превзойдут в искусстве стоять с копьями гномов Царь-Горы. Надежда часто бывает сродни глупости. Кавалерия хумансов стремительно взлетела на холм и с ходу разогнала копейщиков Дану, перебила стрелков, а после сокрушительной волной скатилась, ударив в спину последним отступающим защитникам Аэллы.

Воины Амариса оказались между огнём горящего леса и ошестинившейся сталью волной конницы. Сражение на этом завершилось и началось бегство врассыпную, сквозь горящую рощу, сквозь так и не пригодившиеся надолбы и волчьи ямы — к оставшемуся беззащитным городу.

Аэлла горела. Огонь пожаров полыхал, его блики плясали на хрустальных шпилях дворцов. По мрамору улиц текла кровь, святая кровь Дану. Метались в панике оставшиеся жители, тщетно пытаясь укрыться от ворвавшихся в город хумансов, кричали женщины и плакали дети.

Амарис, перепачканный пеплом, кровью и грязью, брёл по улице, спотыкаясь, падая, вновь поднимаясь на ноги. Голова кружилась и болела, перед глазами все плыло. Сил не было даже на то, чтобы поднять меч, не говоря уже о каком-то колдовстве. Его город горел.

Они потерпели поражение. Не здесь, в Аэлле, когда их войско ничего не могло противопоставить наступающей орде хумансов, ни даже на

рубежах, когда врагу удалось обманом и магией погубить лучшие силы Дану. Они проиграли гораздо раньше — на Берегу Черепов.

Князь Дану прислонился к колонне, закашлялся, харкая и давясь кровью. Мимо пробежала женщина, за которую цеплялась маленькая девочка с длинными черными волосами. Из дымки пожара перед ними вырос хуманс. Взмах меча — и женщина, растопырив руки, упала на землю с перерубленной шеей. Девочка закричала, не пытаясь убежать, парализованная страхом. Хуманс приблизился, мерзко ухмыляясь. С его широкого, зазубренного гладиуса капала кровь.

Бессильная ярость придала Амарису сил. Он бросился на хуманса, опрокинув того на землю и сев сверху, неистово молотя кулаками, даже не думая поднять меч. Враг барахтался, пытаясь сбросить с себя обезумевшего Дану. Амарис вцепился в его шею, и не выпускал ее, пока легионер не перестал дергаться под ним. Потом обернулся, неловко поднялся на ноги, пошатываясь от пережитого напряжения.

— Как тебя зовут, девочка? — спросил он.

— Элие, — неожиданно спокойно, даже уверенно сказала черноволосая малышка, не отрывая взгляда зеленых глаз от своего спасителя.

— Не бойся, Элие. Я не дам тебя в обиду. Обещаю.

Мельин: город Галан

Легион шел на восток. Поднимающаяся над дорогой пыль была видна издали. Амарис проводил колонны воинов взглядом, кутаясь в засаленную рогожу, полностью скрывающую его фигуру. Никому не было дела до попрошайничающего у городских ворот нищего, даже стражники брезговали им, стараясь не приближаться и опасливо поглядывая на прикрепленные к плащу медные колокольчики. Принесло же его сюда, прокаженного...

— Кличут общий сбор, — услышал он обрывок разговора.

Запряженная двумя ослами, тащилась полупустая, груженная грязными мешками телега. Возница разговаривал с идущей следом старухой, которая волокла на спине корзину с мелкими лесными яблоками.

— Опять? — удивилась бабка. — Война-то кончилась...

— Семандра прет, — пояснил торговец, поправив упавшую на глаза широкополую соломенную шляпу. — Император приказал укрепить тамошние гарнизоны. А Бросовые Земли отдать вольным оркам.

— Ох, набедокурят там они, окаянные! — всплеснула руками старуха.

Выпавшее из ее корзины, подпрыгивая на камнях, откатилось прямо под ноги Амарису. Последний князь Дану схватил его и начал жадно жевать, спрятав покрытое язвами лицо под тенью капюшона. Торговец содрогнулся, увидев покрытую грязью и синяками болезненно худую, как у голодающего, руку нищего.

— Лучше уж там, чем здесь, бабушка, — проговорил он, брезгливо отвернувшись от прокаженного. — Лучше уж там...

— И то правда, — закивала старуха. — Спасу от них нет. Благослови тебя Спаситель...

Сказала она уже Амарису. Две мелкие монетки звякнули, упав в стоящую перед ним миску. До этого пустую. Маг замешкался, не решаясь ответить, но все же пробормотал в ответ:

— Спасибо тебя, матушка.

— Ах, молодой! Горе-то, какое! — всплеснула руками женщина, обманутая мелодичностью голоса Дану.

Ловко вытащив из корзины пару красных яблок, она вложила их в трясущиеся руки прокаженного, даже не глядя на позвякивающие медные колокольчики.

— Спасибо, — повторил Амарис. Яблоки были на удивление крупными и сочными, она могла дорого их продать.

«Война готовится всюду. С Востока и Запада, Севера и Юга долетают тревожные вести. Кхаргос не соврал — большие перемены ждут мир Мельина...»

Он поднялся, схватившись рукой за поясницу и болезненно кряхтя. Проходящий мимо стражник покосился на больного нищего, заметил миску с деньгами, и, гнусно ухмыльнувшись, наклонился за двумя медными монетками.

— Я на них плюнул. — Соврал Амарис. — Бери, если хочешь...

Солдат выругался и отшатнулся от него, как от змеи. Амарис не сдержал улыбки.

В Галане было на что посмотреть: грязные улочки и вконец замусоренные подворотни, в которых устраивали ночлежки нищие и бездомные, переполненные голодными красноглазыми крысами опустевшие амбары, зеленая дымка, поднимающаяся из канализационных отверстий...

Возле монолитных, серых стен бегали голые, худые, чумазные дети, перекидываясь грязевыми «бомбами». Тощие, с выпирающими рядами ребер, они напоминали Амарису маленькие, гротескные скелеты из церковного вертепа. Мимо проходили их родители: равнодушные, безрадостные, в простых грубых одеждах. Улицу заполняли крики, ругань, грохот разъезжающих телег, и перекрикивающие городской шум вопли пололумного монаха, напялившего на себя дырявую рясу. Стоя на куче помоев, он провозглашал конец света, но никто не обращал на безумца внимания.

— Чаша терпения Его переполнена вашими грехами, — вопил сумасшедший, потрясая обломком посоха и символом Спасителя, перекрещенной стрелой. — Близко возмездие Его и суд Его! Каждому воздастся за грехи! Покайтесь, грешники, ибо грядет скоро час роковой и ужас возмездия за провинности ваши!

«А я ведь могу стать этим ужасом, — подумал Амарис, ковыляя мимо монаха. — Я буду вашим Urrdbaarra Maaionn, я смогу сокрушить ваши города и убить ваших детей, я смогу лично отправить каждого из вас на встречу со Спасителем, дабы он лично позаботился о вашем посмертии...»

Несущаяся мимо телега столкнула неспешно бредущего прокаженного в помойную яму. Оказавшись в луже дождевой воды, помоев и грязи, князь Дану попытался подняться, поскользнулся и снова упал. Рядом с ним лежал мертвый кот, между выпирающих белых ребер которого ползали личинки мясных мух. Амарис вспомнил своего деда, который, попав в руки хумансов, не просил пощады, даже когда те рубили его на мелкие кусочки, а чародеи Радуги поддерживали в нем жизнь. В конце казни от деда осталась только голова и уродливый обрубок, хумансы выставили его на главную площадь такого же грязного, переполненного двуногими и четвероногими крысами города, чтобы каждый прохожий мог плюнуть на Гвеона Смелого, некогда великого и грозного князя-мага Дану.

«Возможно, такой мир и вправду лучше уничтожить?»

...На главной площади народу было больше. Здесь же, у самого порога церкви Спасителя, расположился рынок, где торговали всем начиная от продуктов и заканчивая лекарственными настойками, магическими амулетами и заговорами. После того как Император заставил Радугу снять свою монополию на безопасную магию, рынок наводнили ранее запрещенные зелья, медицинские и магические трактаты, заговоренные вещи и просто шарлатанские побрякушки вроде счастливой кроличьей лапки или крыла нетопыря-альбиноса.

Цены, несмотря на указ, ограничивающий их рост, поражали. Из разговоров, которые вели торговцы, конюхи и охранники караванов «прокаженный» узнал, что сейчас вероятнее умереть от разбойничьего меча на тракте, нежели на границе с Семандрой, войной с которой сборщики

податей страшали несговорчивых налогоплательщиков едва ли не сильнее, чем известием об очередных набегах тварей из Разлома.

Амарис слишком хорошо понимал, что творится в Семандре, почему вновь зашевелились пираты у Пенного Клинка, какие тревожные вести приносят гонцы из-за земель за Хребтом Скелетов. Все это были части одного замысла, камушки одной мозаики — козлоногий расставлял фигуры, готовясь одним удачным ходом выиграть партию. Так или иначе, но он собрался разбить шаткое равновесие, едва установившееся после недавней войны.

«Khaproc не соврал, у него есть масса подходящих мстителей, тех, которым можно без опаски отдать белую перчатку и спокойно наблюдать, как будет гореть этот мир. Сознательно или просто по собственной глупости, из жадности, мести или властолюбия, они будут прокладывать дорогу козлоногим. Семандрийцы, мечтающие развалить Империю или хотя бы отхватить еще один кусок ее пограничных земель. Недобитки гномов, затаившиеся в недрах Царь-Горы. Сейчас они зализывают раны, но, кто знает, не оттуда ли будет нанесен решающий удар? Или истинные эльфы, гордые и холодные, не мечтающие ни о чем, кроме исхода в миры своих предков, населенные лишь старшим народом...»

В условленном месте его ждал мальчик-носильщик — высокий, худощавый, с юношески гладкой кожей. Он носил плотный ярко-синий тюрбан, прикрывающий уши. Чуть раскосые глаза и черные волосы выдавали в юнце уроженца Пенного Клинка, знаменитой родины разбойников и корсаров.

«Рискуешь, Давени, ох, рискуешь», — подумал Амарис, походя к мальчику.

— А если кто-то попросит тебя разгрузить телегу? — спросил Амарис.

— Да было уже, — отмахнулся Давени, восхитительно подражая жестике и мимике коренного южанина, — заработал пару медяков...

— Молодец, — похвалил «прокаженный». — Где Элие?

— Не волнуйся, с ней все в порядке, — успокоил своего князя Давени.
— Мы едва вырвались из кольца в Диких Лесах. Вайлена и Маэлира нет...

Амарис кивнул, звякнув колокольчиками.

«Итак, нас осталось только десять...»

— И вот еще что... Хозяин Слова, не гневись, — прошептал Давени. В шуме толкущейся на рынке толпы никто не обращал на них внимания, но все же официальный титул князя-мага Дану следовало произносить осторожно.

— В чем дело, — похолодел Амарис. — Что-то с Элие, она ранена?!

— Нет, — покачал головой «мальчик-южанин». — Это Севинэ. Он вернулся в Dadrrount'got, сказал, что с него довольно войны и крови.

«Как странно порой играет с нами Судьба!» — поразился Амарис. Он вспомнил, как хохотал Севинэ, глядя на умирающего в муках хуманса.

«Пляши, пляши!»

— Мы должны убить предателя! — зашептал Давени. — Заключить мир с хумансами?! Не бывать этому! Аэллиты не сдаются. Простите, что я отпустил его, мастер, но я не решился убивать Дану без вашего приказа...

— Давени, зачем ты просишь у меня разрешения убивать брата? — спросил Амарис.

— Я... прошу простить меня, мастер. Я забылся.

— Не говори больше об этом. Даже если Севинэ завтра донесет на тебя в легион, не смей поднимать на него ни руку, ни меч! Пусть это будет его грех и проклятье, но не твое!

— Да, мастер. Простите меня...

Во взгляде молодого Дану все же читалось непонимание, как будто Амарис заявил ему, что небо красное, но ученик из вежливости соглашался, раздумывая, не несут ли слова учителя иной, недоступный ему смысл.

«Ну да, конечно, Аэллиты не сдаются, — задумался Амарис. — Сколько лет ему было во время падения Аэллы? Все они были только детьми, даже моя Элие. Не стоит забывать, что для них я не только последний Хозяин Слова, но и последний взрослый. Ведь Аэллиты не

сдаются, даже если их дом разрушен, их дети убиты, а надежды на победу нет...»

— Где остальные?

— За городом. Вы рисковали, мастер, явившись в это логово хумансов. Вы не должны так поступать...

— Риск был оправдан, — отмахнулся Амарис. — Я принял важное решение. Мне нужно, чтобы к завтрашнему дню ты собрал всех наших. Без исключения.

— Разумеется, мастер, — коротко поклонился Давени.

— Теперь уходи отсюда, кое-кто из прохожих косится на нас, виданное ли дело — прокаженный болтает с носильщиком...

Мельин: окрестности Галана

Утро. Медленно отступает к реке туман, ночная прохлада приятно холодит кожу.

— Ты помнишь время до войны?

Приподнявшись на локте, Элие заглянула ему в глаза.

— Я помню, когда война не была нашей жизнью.

— Ты хотел бы предотвратить эту войну?

— И никогда не встретить тебя? — улыбнулся в ответ он.

Мусорные деревья приветствовали его глубокими тенями. Было непривычно тихо для округа Галана. Возле высоких городских стен всегда был слышен стук колес проезжающих по дороге телег, ржание лошадей, смешанное с руганью людей. А сейчас — тишина. Лишь вдалеке гроыхала телега торговца, встреченного Амарисом у городских ворот.

Он углубился в заросли кустарника, смешанного с высокой травой и маленькими елочками подлеска. Амарис любил ели, лишь они одни из всех привезенных из-за моря деревьев были приятны его глазу: колючие,

душистые, настоящие. Им было не место среди убогих, прижимающихся к земле чахлах побегов и того бурьяна, который хумансами называли лесом...

«Признаешь, что они принесли с собой что-то хорошее? — удивился своим мыслям Амарис. — Да, признаю. На сто их мусорных деревьев приходится одна ель. Колючая, но красивая и величественная».

Когда он начал думать так о людях? Последний князь Дану не знал ответа на этот вопрос. Он воевал с Империей большую часть своей жизни и сроднился с этой борьбой, со своими друзьями и врагами. Война стала всей его жизнью, и сейчас, когда примирение и возвращение в Dadrrount'got — желанное и казавшееся когда-то невозможным, ныне стало явью — он все еще цеплялся за свою борьбу, не желая признавать очевидное. Аэллиты стали больше не нужны. Но что делать, если твоя война стала твоей жизнью, и завершить ее не проще, чем броситься на меч?..

«А что если мы ошибаемся? Что если Император прав, и нам пришло время положить конец древней распре, объединившись перед лицом общего врага?»

Объединиться. С хумансами?! Немыслимо!

«Хотя... Император, этот грязный двуногий скот, наверное, неплохо объединяется еженощно со своей новой наложницей, из-за которой он якобы прекратил преследовать Дану. Сеамни Оэтаканн... Та самая, что явила нам мощь Immelstorunn, вела нас в последнюю битву против хумансов и предала нас, когда до победы оставался всего шаг. Победы или поражения? Ведь мощь столкнувшихся Мечей должна была выжечь мир дотла. Итак, все вернулось на круги своя — Седрик, мой отец, сделал свой выбор, решив пожертвовать всем ради победы над хумансами, смогу ли я сделать то же самое? Способен ли я на это?»

...Тишина была настораживающей. Не было слышно пения птиц, шорохов лесных обитателей, даже деревья, казалось, перестали шелестеть густой листвой. Амарис, вцепившись в рукоять меча, шагнул на поляну. Он

ожидал засады, нападения, предательства – чего угодно, что могло нарушить напряженную, неестественную и раздражающую тишину. Никого.

— Давени?.. — тихо позвал Амарис. Ответа не было.

Он позвал громче, вслушиваясь, надеясь услышать ответ. Ничего.

«Неужели я ошибся местом? Но нет — камень, подрезанная ветвь... если подойти ближе, то можно увидеть вырезанный на камне символ Аэллы: сторожевой дуб, Eu'idessor»

— Давени! — ворон, напуганный его криком, каркая, поднялся в воздух.

Амарис судорожно сглотнул. Ворон. Черная птица всегда летит на падаль. Он побежал туда, откуда взлетел вестник смерти. Второпях разорвав плащ и порезав руки о колючки, запыхавшись, Дану вырвался из густых зарослей черники и тут же отшатнулся, выкрикивая проклятья.

На толстой ветви, будто марионетка, покачивая одеревеневшими ногами, висела старуха. Землю под ней покрывали рассыпавшиеся лесные яблоки...

— Амарис! — крикнула Элие, обнимая его. — Я так ждала тебя, gwуп.

Он не слушал. Обняв прижавшуюся к нему Элие, Хозяин Слова смотрел на повешенную старуху.

— Кто убил ее? — спросил Амарис.

— Я, — Давени, сложив руки за спиной, гордо улыбался. — Она увидела нас, когда шла по дороге. Удивляюсь, как ей это удалось, мы двигались очень тихо. Ведьма, скорее всего...

— Не будем об этом, gwуп, — попросила Элие, заглядывая ему в глаза. — Пожалуйста. Мы видели слишком много смертей...

«Она имеет в виду Вайлена и Маэлира», — догадался Амарис.

— В следующий раз, перед тем как кого-то убивать, дождитесь меня, — резко сказал Амарис.

— Скажи это нашим мертвым братьям, — огрызнулся Валадин. — Император хумансов не очень-то спешил увидиться с ними, перед тем как его

легионеры искрошили их на куски. Мы не должны давать хумансам ни шанса...

«Валадин. Он был еще мальчиком, когда пала Аэлла. Однако даже тогда не бежал, не плакал, не звал на помощь — он убивал, когда я нашел его. Камнем, осколком стекла, подобранным луком, добивал раненых и безумно бросался на легионеров...»

— Прекрати! — крикнула на повзрослевшего, но не изменившегося мальчика Элие. — Мастер знает, что говорит.

— Пусть скажет, — согласился Ималлэ. пусть разъяснит нам причину, по которой он собрал нас здесь.

Остальные Дану хором подтвердили его желание.

«Они жаждут, чтобы я приказал им, спустил на новую жертву, будто бешеных псов. Как это было в Лонарде. О да, это было сладко — убивать, разить, жечь...»

«Моего сына убили из-за того, что Амарис, сын Седрика, сжег Лонард».

— Мы должны разойтись и прекратить борьбу, — как можно спокойнее сказал Амарис.

— Понимаю, — кивнул Давени, — хумансы утроили свою бдительность, после Лонарда...

— Нет, — прервал его князь Дану. — Не временно разойтись, а прекратить войну. Принять мир, предложенный Императором хумансов. Меня не пустят назад в Dadrrount'got, но если приняли Севинэ, то есть возможность вернуться и вам...

Молчание повисло над лесом, вновь окутав Амариса аурой нерешительности, страха и опасности. Был слышен лишь тихий скрип трущейся о ветвь веревки...

— Но клятва, Амарис! Клятва! — Элие отступила на шаг назад, непонимающе глядя на своего любимого. — Мы поклялись умереть, но не прекратить борьбу...

— Аэллиты не сдаются! — прорычал Валадин.

— Мастер, вы не можете так поступить!

— Клятва сгубила моего отца, — сказал Хозяин Слова, — я так и не нашел его тела в том месиве под Мельином, среди мертвых Дану, хумансов и гномов. Мы должны были осознать правду еще тогда. Правда в том, что мы больше не живем в мире, за который поклялись сражаться и умирать. Мы начинали свою войну в нашем мире, на родной земле, теперь же... что осталось от нее? Dadrrount'got? Руины под Maad? Нас окружает мир хумансов, мир Мельина. Скажите мне, неужели вы хотели бы пожертвовать собой за этот мир?..

— Мы восстановим города, а наши леса восстановят себя, — тихо сказала Элие.

— Нет, — покачал головой Амарис. — Не все так просто. Нам не победить, такая победа станет нашей общей гибелью. Мне была предложена сила, которая способна очистить нашу землю от хумансов, но позже она же уничтожит ее. Мы клялись умирать, но не сдаваться, я же предлагаю вам не сдаваться, но жить.

— В мире с хумансами?! — негодуяше вскрикнул Валадин.

— Да, — кивнул князь Дану. — В мире с хумансами, с людьми, а иначе — смерть. Делай свой выбор, Валадин.

— Я давно уже сделал выбор, — процедил мальчик, чудом уцелевший в пылающей Аэлле, и вогнал в землю свой меч. — Никакого мира с хумансами!

— Я устал воевать, Валадин, — прошептал Давени. — Мастер прав. Мой меч остается в ножнах.

— Мой тоже, — крикнул Ималлэ. — Я был рожден, чтобы жить, а не для того, чтобы попусту сгинуть.

— Труссы! — Эмен, старший после Амариса Аэллит, последовал примеру Валадина и ударил мечом в землю. — Эта земля будет пылать, и только так очиститься от скверны хумансовой!

— Нет. Слишком поздно, — сказал Иделен, шестой уцелевший Аэллит.
— Мой меч остается в ножнах.

— Мой также! — воскликнул Авелид.

— И мой! — поддержал брата Алиэт. — Я боялся сказать, но хотел уйти вместе с Севинэ. Конец войне и крови, пусть будет мир.

Амарис облегченно вздохнул. Он ожидал худшего: смерти от рук собственных братьев, не желающих смириться с решением их предводителя.

«Почему я не замечал этого раньше? Мы устали убивать, мы устали видеть смерть. Почему? Почему я не замечал этого?!»

— А ты что скажешь, Элие? — спросил Алиэт, заранее зная ответ.

Элие никогда не перечила Амарису, никогда не спорила с ним...

Алиэт вздрогнул, когда стоящая рядом с ним девушка вогнала меч в землю, сверкнув злыми зелеными глазами. Каким же разными и неизменно прекрасными бывали ее глаза...

— Это не имеет значения, — устало сказал Хозяин Слова. — Мы прекращаем борьбу: большинство ясно высказало свою волю.

— Большинство?! — вспыхнул Эмен. — А ты никого не забыл спросить? Может быть, Вайлена и Маэлира? Или сотни других наших погибших братьев? Большинство! Гниет в могилах твое большинство, пока Император хумансов валяет предательницу и пирует на костях наших городов!

— Князя Дану никогда не приказывали народу, — подала голос Элие.
— Мы всегда жили в народовластии. С каких пор мы должны повиноваться приказам Хозяев Слова?

— Не повинуйтесь, — устало пожал плечами Амарис, — можете поступать, как вам угодно, но большинство решило оставить мечи в ножнах. Мы не могли победить хумансов, когда нас были сотни, сейчас же наша борьба окончательно потеряла смысл.

Элие подняла свой меч, направив его на Амариса.

— Я не могу позволить тебе нарушить клятву, — тихо сказала она.

— Ты убьешь меня? — спросил последний князь Дану.

— Да, если понадобится. Если ты не можешь принять предложенную тебе силу, то придется это сделать мне. Защищайся, Амарис!

Она ударила наотмашь, целя ему в шею. Амарис увернулся, и Элие вновь атаковала, ее клинок слился в размытый круг. Хозяин Слова вынужден был парировать, отступая и каждый раз рискуя не успеть увернуться от очередного выпада, но даже не пытался наносить удары в ответ. Элие остановилась, тяжело дыша, спутанные черные волосы прилипли к вспотевшему лбу.

— Зачем ты упорствуешь, Элие? Надеешься, что после моей смерти они последуют за тобой? — он окинул взглядом неподвижно стоящих поодаль Дану, наблюдающих за поединком.

Она не ответила, лишь сдула упавшие на глаза пряди волос и вновь закружилась в смертельном танце.

«Как же она красива... есть ли на свете еще такая красота?»

— Я не верю, что ты убьешь меня! — крикнул Амарис, опуская меч.

Клинок Элие ударил его в плечо, заставив князя вскрикнуть и упасть, откатиться, чудом избегая добивающего тычка острием.

— Ты ослеплена яростью! Остановись!

Новая серия ударов вместо ответа.

«Если я умру, не будет ли предложен и ей тот самый выбор? Погубить мир, погубить себя, всего лишь для того, чтобы совершить бессмысленную, лишённую цели месть, завещанную нам нашими отцами... И могу ли я позволить ей совершить этот выбор, зная какой ответ она даст, если завтра бездушная козлоногая тварь предложит ей белую перчатку?»

Сплевывая кровь, струящуюся из рассеченной губы, Амарис вновь поднял меч.

— Я не могу позволить тебе победить, — прошептал он и нанес единственный, смертельный удар.

«Не ради себя. Ради мира, который я клялся защищать, за который клялся отомстить, за который клялся уцелеть и который, незаметно для меня, превратился из моего мира в мир людей. В Мельин...мир, который я клялся никогда не допустить».

Элие вскрикнула, упала на землю. Из пробитой груди потекла кровь. Амарис отбросил меч в сторону, бросился к ней, подхватил на руки и закричал неистовым, бессильным криком.

«Помните, что я совершил ради вас, люди. Помните, иначе, клянусь, страшный суд Спасителя, и все ужасы козлоногих покажутся вам милостью в сравнении с моим гневом...»

Мельин: различные места

Весну в Бросовых Землях нельзя назвать живописной порой: унылые бурые холмы до самого горизонта, покрытые редкой травой, колючим кустом, да изредка отбрасывает длинную тень одинокое дерево. Возле небесно—голубого озера все было не так. Окруженное желто—голубым ковром цветов, оно сияло в лучах солнца великолепной, незамутненной чистотой.

Лишь два небольших холмика выделялись в этом сине—желтом море. Нежные, белые цветки покрывали один из них, другой же был вылеплен из свежей черной земли.

Амарис опустился перед могилой на колени и сорвал один из белых бутонов, осторожно сжав его в ладони.

— Найди покой, которого ты не знала в жизни.

Он поднялся на ноги, окинул взглядом горизонт и закричал:

— Где же ты, кхаргос—разрушитель?! Спешి на кровавую трапезу — последний князь Дану призывает тебя!

— Я прибыл, как и обещал, — раздался знакомый голос.

Амарис обернулся и встретился взглядом с мутными глазами козлоногого.

— Какое решение ты принял, Амарис сын Седрика?

— Я сделал свой выбор, kharггос, — проговорил Хозяин Слова, идя навстречу рогатой твари, держащей в руках кольцо и белую перчатку. — Я решил принять твоё предложение, я понял твою правоту, нельзя допустить, чтобы этот мир достался хумансам...

Ликующая улыбка на морде козлоногого сменилась гримасой ужаса за миг до того, как Амарис ударил его мечом. Умел ли kharггос и вправду читать мысли или угадал намеренья князя Дану за мгновение до того, как тот молниеносным движением выхватил меч... Козлоногий почти успел увернуться, но было слишком поздно. Был ли он тварью из преисподней или существом из плоти и крови, но избежать губительной стали зачарованного клинка так и не сумел. Голова, увенчанная двумя кривыми рогами, покатила по земле, поливая черной кровью цветы.

Амарис краем плаща стер кровь создателя Пути со своего меча.

— Это ведь и мой мир, kharггос, и я отдаю за него все сполна...

...Он стоял над пропастью, окруженный черным дымом зловонных испарений, исходящих из Разлома. Вокруг бесновались тени, но ни одна из них не решалась напасть на обладателя белой перчатки.

Амарис держал страшный подарок в руках, раздумывая над тем, как мог бы он использовать его.

— Великий дар, ты был послан мне, чтобы обречь этот мир. Я мог сохранить тебя и обратить против твоих же хозяев, или против хумансов и других врагов Дану, — сказал он, глядя в пустоту. — Быть может, ты вскоре вернешься, чтобы лечь на руку Семандрийца, дикого орка или капитана морских корсаров.

«Быть может... как много неуверенности и бессилия в твоих словах, Амарис. Последний князь Дану. Ты боишься сомневаться, ты боишься

смотреть вперед, потому что знаешь: если перчатка и твари из Разлома вернуться — смерть Элие будет напрасной, и мир, этот мир, в жертву которому ты принес нечто большее, чем собственную жизнь, не устоит».

Хозяин Слова размахнулся и метнул перчатку, в последний раз блеснувшую белой костью, перед тем как скрыться во мраке Разлома.

— Возможно, — кивнул он своим мыслям. — Но душа, ее душа, останется незапятнанной и чистой предстанет перед богами нашего леса...

«Я же был проклят давно — и все, что мне осталось, стоять на страже, ждать и молиться, чтобы перчатка вернулась, чтобы дала мне шанс остановить ее и спасти этот мир. Иначе жертва. Моя — не Элие — жертва, будет напрасной!»

Амарис достал кольцо, повертел в руках, задумчиво разглядывая еще один подарок тьмы, усмехнулся, подбросил его и поймал перед самым падением в пустоту, затем решительно развернулся, чтобы начать свой долгий путь к Мельину. К миру людей.

Утром на вербовочный пункт легиона явился молодой человек. Тихий, худощавый и стройный, он осторожно назвал свое имя, смущенно краснея до корней волнистых каштановых волос. Вербовщик, подняв голову от бумаг, уточнил:

— Откуда?

— Что? — не понял юнец.

— Ты откуда, парень? Нужно записать — бумаги порядок любят. — Вербовщик демонстративно постучал пальцем по лежащей на столе грамоте.

Кудрявый юноша помолчал, сцепив руки за спиной и, наконец, неожиданно резко ответил:

— Из Мельина. Марис из Мельина.

И только Всеведающий Орлангур знал истинную причину прозвучавшей в его словах горечи.

Термины и названия:

1. Дану:

Atan—eeu—Akhimm [тан—эу—Ахим] — Царственное Шестикнижье Дану.

Dadrrount'got [дадрроунтгот] — последний из лесов Дану. После битвы Алмазного и Деревянного мечей Dadrrount'got был возвращен народу Дану.

Daemmiru [дейэммуру] — одеяние Дану, сделанное из крупных треугольных пластин, смотрящих остриями в землю.

Eu'idessor [эу-ийдессоэр] — великий дуб. Символ крепости Аэлла и герб одноименного города, также является эмблемой клана Аэллитов, основанного во время войны Молодых Эльфов с гномами Царьгоры.

Maad [маадт] — Царь-Скала. Старое название Мельина, имперской столицы.

Kharггос [кхауппроук] — «людозверь», он же «бездушный» — именование Тварей Неназываемого на языке Дану.

Urrdbaarra Maaionn [аррбарра мэйаоннэ] — ужас возмездия.

Хозяин Слов (Князь-маг Дану) — титул мага в иерархии Дану, примерно соответствующий магу Радуги третьей степени посвящения. В отличие от видящих Дану, Хозяева Слов изучали боевое колдовство и часто вели армии в бой. Последним князем-магом был Седрик Альй, его сын Амарис формально носил этот титул, однако не прошел посвящения в Dadrrount'got.

Lhadann Naastonn [лхэадан ‘нэасторун] — Истинные Деревья. Флора северного континента до прихода туда людей.

2. Империя:

Сигнум — знак легиона в виде серебряного орла, символизирует корпоративный дух и любовь к своему полку.

Велиты — легкие пехотинцы, вооруженные дротиками и копьями, в боевых построениях вместе со стрелками находятся вне фаланги.

Триарии — бойцы третьей линии имперского легиона, которую составляют наиболее опытные и старшие легионеры, носят металлический панцири, вооружены мечами и копьями.

Скутум — щит легионера имперской армии, сделанный из плотно пригнанных друг к другу досок осины или тополя обтянутых сверху полотном и бычьей кожей.

Гладиус — короткий меч легионеров. Обычно применяется в сомкнутом строю как колющее оружие.

Пилум — тяжелое копьё с металлическим наконечником и стержнем. Наконечник с зазубринами, древко деревянное, средняя часть копья плотно обмотана шнуром.

Радуга (Орден Семицветья, Чародейная Лига) — организация магов Мельинской Империи, основанная величайшим колдуном-человеком, Комнинусом Стразой. Радуга разделена на ордена, каждый из которых

характеризуется определенным цветом (Красный Арк, Синий Солей, Оранжевый Гарам и т.д).